

УДК 316.7+808

СОЦИОРИТОРИЧЕСКИЕ АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

В.Ю.Лебедев*, А.В. Федоров**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

**ЧУ ЦД «Гиппократ», г. Щелково, Московская область

В статье рассматриваются общие принципы вербальной и невербальной риторики в контексте их адаптивной функции. Выделяются основные стратегии социориторического поведения применительно к разным вариантам понимания адаптивности и дезадаптивности, начиная от биологической парадигмы и заканчивая сложными аксиологически значимыми парадигмами социальными. Выделены конкретные примеры реализации адаптивности в поведенческих актах социальной коммуникации. Анализ социориторического поведения необходим как общий базис для решения ряда более конкретных проблем, относящихся к частным случаям социального поведения, особенно в тех сферах, где потребность в нормативизации поведения не подкреплена теоретическим обоснованием.

Ключевые слова: медицинская деонтология, социальное поведение, цинизм, ценность, коммуникация, риторическое поведение.

При рассмотрении этически окрашенных феноменов адаптационный подход (а тем более биофилософские методы) используют крайне редко. Адаптационные парадигмы были дискредитированы в процессе позитивистских дискуссий, хотя сама плодотворность этих методов сохраняется и требует углубления исследований. Наша статья представляет собой общефилософское вступление, в свете которого будет более убедительно решение частных этических проблем, включая анализ спорных и конфликтных ситуаций, которые столь часто возникают в сфере современного медицинского праксиса, поскольку медицинская деонтология очень часто носит чисто прескриптивный, а не аналитический характер.

Взаимодействие индивида и внешней среды представляет собой тот комплекс процессов, базисом для которого выступает понятие адаптации. Рассуждая о сущности данного понятия, уместно привести два определения адаптации, в широком и узком смысле соответственно. В широком смысле, адаптация есть комплекс взаимодействия индивида и внешней среды, в ходе которого происходит согласование их структур, функций и поведения [1, с. 156]. В узком смысле, в том числе с позиций социальной психологии, адаптация понимается как система взаимоотношений индивида с той или иной социальной общностью. Такое понимание адаптации сближает ее с процессом социализации; причем социализация и социальная адаптация – тесно взаимосвязанные, но не иден-

тичные понятия. Ряд авторов настаивают на недопустимости отождествления адаптации и стресса, полагая в частности, что стресс есть реакция только на новое средовое воздействие [2, с. 185–190]. Традиционно в социально-психологической литературе социализация воспринимается как процесс становления таких черт индивида, которые определяют его неспецифическую социальную сущность; социальная же адаптация – явление более специфическое. Отдельную сложность составляет то, чего многие авторы «чисто гуманистической» ориентации не хотят принимать во внимание, это продолжающееся действие биологических адаптивных процессов соответственно наличию у человека биологической подсистемы, проявляющейся упорно, вульгарно и не всегда продуктивно (способности, служащие адаптации у биологических родственников человека, часто оказываются для него как раз дезадаптивными или малополезными – когда мы сетуем на предательски трясущиеся руки в напряженной ситуации, то перед нами классический пример инверсии адаптации) [6; 7, с. 115–122]. Изучение социальных процессов с позиций «адаптивности/дезадаптивности» сегодня становится все более актуальным. Причинами такой популярности выступают не только чисто методологические факторы (активно применяемый системный подход к пониманию того или иного явления), но и – особенности исторического развития научной мысли. В самом деле, социологическое знание, бывшее тотально абиологичным во времена Дюркгейма, а затем функционализма, сегодня переживает «социобиологический ренессанс». Подобный рост популярности биологизаторских концепций – это не только ответ на глобальный кризис гуманитарного знания, но и возможность переосмысления, переоткрытия некоторых концепций.

В современных условиях говорить о типах социального взаимодействия как о чисто адаптивных или дезадаптивных можно лишь с известной долей условности, поскольку социальные стратегии подобного рода слишком сложны и многокомпонентны, а «идеальной» адаптации не может быть даже в проекте, ведь за получаемое благо приходится жертвовать другим благом. Более того, сами понятия адаптации/дезадаптации современной наукой воспринимаются довольно расплывчато. Так, в рамках социобиологического подхода не вполне ясно, что считать конечным приспособительным результатом, достигаемым в ходе реализации той или иной адаптационной стратегии. Например, что более адаптивно: выживание в сложной ситуации, сохранение и реализация интеллектуальных способностей, откровенно жертвенное поведение, что-то еще (вариантов тут масса)? Говоря более конкретно, можно ли считать успешной стратегию, предусматривающую быстрый взлет индивида по каналам вертикальной социальной мобильности, но ассоциированную при этом с высоким риском гибели? Вообще, стратегия «выживания во что бы то ни стало» является ли априори адаптивной?

Что важнее: выживание вообще или в определенном качестве? Насколько определенным является сам конструкт «выживание» (и «выживаемость»)? В поле медицинского праксиса существуют предельно простые характеристики жизни и смерти (в случае болезненных психических явлений все становится сложнее), но ведь даже в биосреде они не являются столь однозначными, как и адаптация вообще. Вопрос усложняется за счет того, что биологическое неравенство особей увеличивается при сопоставлении индивидов, а особенно, по мнению А. Пелипенко, индивидов и личностей, оказывающихся на разных уровнях биосоциальной пирамиды [4, с. 85 и далее]. Помимо классических полярных вариантов «физическая жизнь» и «физическая смерть» следует говорить об особенностях адаптации к своему месту в эволюционной иерархии, в том числе на ее субординантных уровнях (для человека субординантность чаще оказывается травмирующей, дискомфортной и дисфункциональной, даже если трудно представить место определенного индивида в рамках других страт [2, с. 13–44]), а также случайных формах нетипичного выживания (содержание в зоопарке или домашних условиях, прикорм у подъезда или помойки, случайно найденные особью дополнительные естественные резервы для выживания). Уже В.П. Эфроимсон указывал, что выбор между выживанием особи и успешным осуществлением ею популяционной функции применительно к человеку становится драматичной ситуацией [8]. Введение в ситуацию аксиологических факторов крайне усложняет ее. Ситуация многократно усложняется тем, что И. Павлов назвал рефлексом свободы [3], особенно с учетом стремительно развивающейся технологизации человеческого поведения с использованием самых разных технологий детерминации. Не случайно практически параллельно с русским физиологом Э. Дюркгейм описывает феномен фаталистического суицида как следствия неодолимого ограничения свободы (которое является значимым фактором даже в биологическом порядке вещей, прекрасно известно, что разные виды различно выживают – или не выживают – в искусственных условиях, одна из возможных реакций – прекращение репродукции). Подобные вопросы следует рассматривать не только как объекты для теоретического анализа, но и как важные элементы изучения социальной прагматики. Абсолютно все члены социума обречены на пожизненный выбор той или иной адаптационной стратегии, поскольку приспособление индивида к условиям социальной среды – это процесс творческий, вариативный и во многом – стохастический. Кроме того, социальная среда, в отличие от чисто биологической, способна сознательно усложнять ситуацию бытия, создавать намеренные сложности, что требует дополнительных аналитических и практических усилий при адаптации. Любое социальное действие, осуществляемое индивидом, предусматривает формирование динамического стереотипа – своеобразного паттерна реагирования на то или иное изменение среды. Изна-

чально выбор и осуществление такого паттерна – это процесс сознательного принятия решения; далее индивидом оценивается эффективность и результативность такого выбора. Если результат такой оценки удовлетворяет индивида, то подобная стратегия воспринимается как успешная и потому заслуживающая повторения. Однако здесь и любит вмешиваться общество, заявляя, что выбор индивида оно не одобряет. Зато нередко желает предложить собственный вариант, который санкционирует, окрашивает аксиологически и т. п.

Продолжает оставаться дискуссионным вопрос, насколько адаптивной или дезадаптивной стратегией социального поведения индивида является цинизм, понимаемый нами как мировоззренческая позиция. Одна из причин такой дискутабельности – проблема многозначности. В ходе контент-анализа авторами выявлено более пятнадцати различных пониманий цинизма только на бытовом уровне, что же говорить о строго научном понимании данного понятия. Суммируя подобные факты, следует признать: нормативного определения понятия «цинизм» в настоящее время не существует, все имеющиеся вариации суть конструкторы, получающие семантическую конкретизацию в зависимости от контекста. Суммарно различные представления о цинизме тяготеют к той или иной из двух точек зрения: согласно первой, «анормативной», цинизм есть откровенно презрительное восприятие норм общественной морали, культурных ценностей и вообще пренебрежение к этической стороне жизни социума. В таком понимании циник – индивид, отбрасывающий этические категории как избыточные; демонстративно презирающий общественные догмы и руководствующийся максимой «цель оправдывает средства». Согласно другой точке зрения, «реалистической» (менее социально ангажированной), цинизм – мировоззрение, ставящее во главу угла здравый скептицизм и реализм. Циник такого рода, находясь в ситуации выбора между спасительной ложью и губительной правдой, неизбежно выберет второе. Как правило, подобный выбор связан с демонстрацией известного скепсиса в отношении традиционных социальных норм, особенно если такие нормы воспринимаются индивидом как абсурдные с позиций четкой логики. В первой ситуации мы видим продуманную мимирию, а вот во второй – пренебрежение элементарными правилами выживания. Аналогов первому в биологическом мире масса, а вот примерно подобное второму – по меньшей мере редкость.

Подобные диаметрально противоположные точки зрения на проблему связаны с недостаточно четким пониманием причинно-следственной связи. Так, для сторонников первой точки зрения циник есть тот, чье поведение направлено на подрыв социальных догматов и устоев. Представление о циниках как о скептиках и реалистах в данном контексте кажется авторам настоящей статьи более продуманным: презрение к морали не есть конечная цель циника, скорее наоборот, подоб-

ное пренебрежение есть только побочный продукт, и притом не обязательный. В этом отношении такое понимание цинизма ближе к античным воззрениям школы киников, поскольку предусматривает презрение к условностям, максимальное упрощение жизни (вплоть до бегства из социальной общности и сужения до *minimum minimumum* всей гаммы человеческих потребностей). Возникают два бинарных параметра оценки: нацеленность на деструкцию социальной среды/ нацеленность на выживание и сокрытие своих установок/ демонстрация таковых. Нетрудно выявить, какова вероятность выживания у людей, использующих каждый из четырех поведенческих вариантов.

Современная социальная среда – система с огромным количеством стрессоров, поэтому выбор той или иной стратегии социального поведения – это всегда стремление защититься от негативного воздействия того или иного раздражающего фактора, хотя биологические истоки такой защиты мы научились маскировать «благородными» социальными покровами. Немалую роль в формировании защиты подобного рода играют элементы цинического мировосприятия, которые присущи практически всем индивидам в той или иной степени. Мы можем говорить о цинизме (в том или ином из различных его проявлений) в той ситуации, когда имеющийся социокультурный опыт индивида вступает в конфликт с социальной прагматикой. Довольно удачной в этом контексте следует признать формулировку П. Слотердайка, согласно которой в рамках общества потребления возможно два типа взаимодействия: первый связан с реализацией индивидом потребительских сценариев под прикрытием высоких моральных ценностей и представлений о прекрасном и нравственном; второй тип также предусматривает реализацию потребительских стратегий, но уже без создания «маскировочного фона». Отсюда – понимание первого типа как ханжества, а второго – как мировоззренческого цинизма с базисом из скептицизма, рациональности и ориентации на социальную прагматику. Крылатое выражение Лилиан Хеллман, утверждающее, что цинизм есть неприятный способ говорить правду, в этом отношении приобретает экзистенциальный оттенок: держать ответ придется перед самим собой, и насколько неприятной окажется собственная правдивость – вопрос сугубо личный. Получится ли у индивида произвести ревизию всего предшествующего опыта, удастся ли отделить подлинное от неподлинного – все это, хоть и связывается обществом с наличием так называемого «личного мужества», имеет в своей основе то или иное проявление цинизма как мировоззренческой стратегии, базирующейся на рациональном, скептическом восприятии реальности.

Рассматривая цинизм как общее понятие, объединяющее большое число тактик взаимодействия с обществом, логично было бы разработать четкую типологию данной стратегии. Учитывая не только функциональную обусловленность любой формы социального взаимодей-

ствия, но и специфику субъекта и объекта подобной деятельности, авторы предлагают эскиз типологии цинизма как социориторической (в более широком понимании – мировоззренческой) стратегии. Данная типология предполагает выделение следующих признаков отбора:

- субъект-объектные взаимодействия на микроуровне (индивид), мезоуровне (социальная группа), макроуровне (разнородные социальные группы);
- стратегическая направленность цинизма (экспансия, конформизм, эскапизм);
- компетентность (компетентный, некомпетентный);
- свобода и дискурс власти (системный, диссистемный и диффузный цинизм).

1. Выделяя индивидуальный, групповой и межгрупповой уровни цинизма, мы рассматриваем данную стратегию как одну из форм рефлексии соответствующих субъектов. При этом более высокий субъектный уровень не следует понимать как простую сумму стратегий более низкого уровня, поскольку любой из вышеназванных субъектов есть результат системных взаимодействий с различными объектами цинического воздействия, что приводит к появлению у субъекта эмерджентных параметров.

2. Стратегическая направленность понимается авторами как взаимодействие циника (оппонента существующей культурной парадигме) и действующей «парадигмы социального давления». В самом общем смысле такое взаимодействие культуры и контркультуры может протекать в следующих вариантах:

- борьба за «сферы влияния» между культурой и контркультурой, желание оппонирующего мышления стать в перспективе доминантным (экспансионистская стратегия);
- отказ от борьбы и стремление к относительно независимому существованию (конформистская стратегия);
- отказ от любого взаимодействия с доминантной культурной онтологией, стремление быть на периферии событий: пассивный протест и бегство в собственную маргинальность в том или ином ее виде (стратегия эскапизма, часто именуемая мещанством).

Во всех вариантах подобного взаимодействия оно может восприниматься и как адаптивное, и как дезадаптивное. Даже экспансия, будучи успешно завершённой, хоть и гарантирует занятие господствующей ниши, не всегда выступает как фактор адаптации. Например, за эффективный результат можно расплатиться сокращением срока жизни. Причин для подобных парадоксальных результатов довольно много, ключевым же фактором следует считать конфликт прагматики (ближней и дальней) с убеждениями (ближними и дальними). Лозунги, под которыми осуществлялась экспансия, часто меняются на противоположные; активная динамика внешней среды подразумевает облигатную

необходимость постоянного «подстраивания» под среду. Недостаточно гибкие носители той или иной мировоззренческой парадигмы обречены как минимум на эскорпацию, если окажутся бесполезными или вредными в деле продолжения экспансии (в истории подобные факты встречаются повсеместно). Конформизм, несмотря на кажущуюся «разумность» подхода, возможен только при достаточно большом «запасе прочности» культурной онтологии. Имеющиеся у доминантной культуры механизмы «переваривания» деструктивных феноменов формируют бомбу замедленного действия, детонатором которой выступает разрыв между декларируемыми ценностями (в частности, социальной риторикой, резервы которой обычно используются) и прагматикой. Конформистская стратегия европейской культуры с определенного времени генерирует рост конкуренции за свободное культурное пространство. Так формируется ситуация, описываемая максимой «все угнетены, но никто не угнетает». Эскапистский подход, заданный еще философами Античности, например Эпикуром, означает позицию «стороннего наблюдателя», который, наблюдая за гримасами доминирующей культуры, наслаждается собственной маргинальностью, которая довольно часто релевантна социальному бессилию. По сути, такой эскапизм базируется на соглашательстве и признании сложившейся ситуации закономерной (хотя вопрос о соотношении закономерности и неизбежности не столь прост, как может показаться); это ведет к усилению разрыва между прагматикой и убеждениями, сохранять значительную «вилку» между ними возможно, но сложно и оттого опасно, разрушительный потенциал подобного раздвоения чреват рядом негативных, деструктивных последствий. Такой эскапистский цинизм, хоть и может в той или иной степени претендовать на адекватное восприятие ситуации, тем не менее лишен продуктивности (понимаемой как способность к созданию новой системы координат) и, отброшенный на периферию, неизбежно вырождается в позерство и «цинизм ради цинизма».

3. Компетентность представляет собой классификационную категорию, основанную на позитивном либо негативном восприятии данного явления. Компетентный цинизм предъявляет к субъекту ряд требований, ключевым из которых является достаточный уровень знания объекта критики (профессиональный компонент). Другой фактор компетентности – умение выбирать ситуации для проявления своего отношения к объекту (ситуативный компонент). Для того чтобы носитель цинизма не превратился в нигилиста-вандала, способного лишь к разрушению (что одновременно, как правило, создает массу рисков для его собственного социального комфорта и выживания, поскольку социальные аппараты детекции такого поведения и блокады его работают достаточно эффективно), необходимо наличие творческого компонента, подразумевающего способность создать или, как минимум, указать на феномен-замениль объекта критики. Таким образом, носитель компе-

тентного цинизма играет ключевую роль в процессах самообновления ценностей и культурных феноменов, способствуя выводу из социокультурной среды нефункциональных элементов, находя при этом адекватные замены. Всем известная профессиональная деформация, характерная, в частности, для медицины, связана с компетентным цинизмом.

Более часто в социокультурной среде встречаются носители некомпетентного цинизма, готовые к отрицанию всего и вся, особенно того, о чем имеют весьма смутное представление или с чем вообще незнакомы («не читал, но осуждаю»). Демонстрация такого отношения к объекту критики обычно происходит не в то время и не в той ситуации, часто – перед такой же публикой. Надо ли говорить, что носитель такого цинизма не способен даже на поиск уже имеющегося в культуре феномена-заменителя.

Риторические стратегии порождают ряд интересных ситуативных вариантов:

- цинизм с максимальным позиционным слиянием и формированием цельной в рассматриваемом нами отношении личности;
- с двойным поведением (селективный цинизм).

В этом случае индивид осознает возможность различных видов социального ущерба и четко распределяет ситуации с разными сценариями поведения (прежде всего с заметной циничной установкой и убедительным сокрытием ее), так, чтобы распознанный коммуникантами или сознательно транслированный цинизм не повредил социальной адаптации. Более того, при необходимости, желание вести себя откровенно успешно подавляется. Открытое поведение несет большие социальные риски и предполагает иной психологический профиль индивида. Два типичных варианта: экспансивно-агрессивное и эскапистское поведение. Открытость в обычной ситуации снижает адаптивность, ухудшает социальную выживаемость, хотя при этом часто приносит своеобразное удовольствие из-за «шафоса отрицания» и «удовольствия говорить то, что думаешь». Социальная блокировка такой вербальной и вообще поведенческой риторики действует достаточно эффективно. Более сложной формой риторики является декларирование цинической беспринципности как иллюкутивное самоубийство, дабы не быть вовлеченным в более опасные дискурсы. В этом случае поведение, внешне кажущееся однозначно дезадаптивным, на самом деле обеспечивает адаптацию и защиту за счет использования средств социальной мимикрии. Степень циничности часто заметно преувеличивается. Возможна и «циническая цитация» как способ смягчения возможного конфликта, когда происходит ироничное воспроизведение высказываний, описаний, элементов поведения, за которыми закрепились характеристика «цинизм». Цитация вообще часто воспринимается комически, а значит, социальное напряжение снижается.

В обыденной коммуникации, особенно связанной с аксиологическими и деонтологическими мотивами, циническая установка выражается четырьмя основными способами:

- сокрытие (прежде всего это упомянутый выше селективный цинизм). Требуется, помимо прочего, аккуратности, терпения и осторожности. Так, нужно, например, верно выбрать коммуниканта для откровенных высказываний, не столкнуться с чужой болтливостью, не размещать высказывания в ненадежной семиосфере – например, в социальных сетях, где выявить автора часто легко – и подобные навыки. При желании высказать скрываемое «в глаза» создается тягостный эффект аккумуляции негативных переживаний, порой заканчивающийся неуместным коммуникативным «взрывом», влекущим нежелательные социально-адаптационные последствия;

- отказ от углубления коммуникации без объяснения причин, которые при этом часто ясны контекстуально, т. е. имеет место ограниченная демонстрация, в том числе и с расчетом на нежелание партнеров идти дальше по этому коммуникативному «маршруту» с таким «спутником»;

- спор с развернутой декларацией и даже отстаиванием соответствующих установок;

- предполагает полную демаскировку и большие адаптационные риски;

- заведомое декларирование запредельного скепсиса, после чего вести разговор становится бесперспективным. Напоминает второй вариант, но в данном случае самовыявление более мягко, а собственно цинизм проявляется задрапированным в чисто когнитивный скепсис.

Второй и четвертый случай – поведение индивидов, стремящихся избежать демаскировки, не желающих терпеть адаптивный урон («терять так много из-за такой ерунды»), но по причинам прежде всего личностно-психологическим не способным к тонкой и сложной игре в рамках селективной стратегии, которая обычно и обеспечивает наиболее полный социально-адаптационный успех.

Классические средства речи и поведения в целом (например, откровенность, открытость, честность, многожды описанные лингвистикой, психологией, социологией) оказываются микросредствами для осуществления данных стратегий и реализующихся в их рамках сценариев. Вопрос о соотношении указанных стратегий и устойчивых психосоциальных типов личности, а также соотношении их с видами избираемой профессиональной деятельности и ее успешностью не только требует исследования, но и обретает определенную методологическую основу. Рассмотрение цинизма в контексте свободы и дискурса социального давления наиболее адекватно в рамках концепции П. Слотердайка, понимавшего цинизм как «продолжение неудавшегося диалога другими средствами» [5, с. 40]. Иными словами, цинизм активизируется в случа-

ях, когда критикуемый феномен достиг максимума нефункциональности, накопив множество нерешенных противоречий, но снятие этого феномена системными средствами невозможно в силу ряда причин. Так, медицинский цинизм явился следствием глубокого знакомства с миром болезни, с физическими и физиологическими аспектами рождения, жизни и смерти человека, а не является просто эпатажем¹.

Список литературы

1. Волков Г.Д. Оконская Н.Б. Адаптация и ее уровни // *Философия пограничных проблем науки*. Пермь, 1975. Вып. 7. С. 134–142.
2. Жуков Д.А. Стой, кто ведет? *Биология поведения человека*: в 2 т. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. Т. 1. 428 с.
3. Павлов И.П., Убергриц М.М. Рефлекс свободы // Павлов И.П. *Рефлекс свободы*. М.: Книжный клуб «Книгоvek»; СПб.: Северо-Запад, 2011. С. 98–103.
4. Пелипенко А.А. *Контрэволюция*. М.: Знание, 2016. 240 с.
5. Слотердайк П. *Критика цинического разума*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 584 с.
6. Чебанов С.В. *Биологические основания социального бытия // Очерки социальной философии*. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1998. С. 201–227.
7. Шмерлина И.А. *Биологические грани социальности: Очерки о природных предпосылках социального поведения человека*. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 200 с.
8. Эфроимсон В.П. *Генетика этики и эстетики*. СПб.: Талисман, 1995. 288 с.

SOCIORHETORICAL ADAPTATION STRATEGIES IN CONTEMPORARY SOCIETY

V.Y. Lebedev*, A.V. Fedoroff**

*Tver State University, Tver

** Private healthcare institution «Dialysis centers» Hippocrates, Schelkovo, Moscow region

The article examines the general principles of verbal and non-verbal rhetoric in the context of their adaptive function. The work identifies the main strategies of sociorhetorical behavior in relation to different options of understanding of adaptability and disadaptivity, starting from biological paradigm and finishing with complex axiologically significant social paradigm. Specific examples of the implementation of adaptability in behavioural acts of social communication have been identified. The analysis of sociorational behavior is

¹ Статья написана в рамках деятельности Лаборатории междисциплинарных биосоциологических и биофилософских исследований (Российское философское общество).

necessary as a general basis for solving a number of more specific problems relating to private cases of social behavior, especially in the areas where the need to regulate behavior is not supported by theoretical justification.

Keywords: *medical deontology, social behavior, adaptability, cynicism, value, communication, rhetorical behavior.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru.

ФЕДОРОВ Алексей Васильевич – ассистент Лаборатории междисциплинарных биосоциологических и биофилософских исследований (Российское философское общество), ЧУ «ЦД «Гиппократ», г. Щелково Московской области. E-mail: doctorfedorov100@rambler.ru

Author information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD, Associate Professor of the Dept. of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver state University, Tver, 17001. E-mail: semion.religare@yandex.ru.

FEDOROFF Alexey Vasilievich – MD, Assistant of the laboratory multidisciplinary research in biosociology and biophilosophy (Rissians Phylosophical society), Private healthcare institution «Dialysis centers «Hippocrates» (Schelkovo), Schelkovo, Moscow region. E-mail: doctorfedorov100@rambler.ru